

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

# СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ

Сборник статей по материалам конференции,  
проходившей в Библиотеке РАН  
25–27 мая 2010 г.



Санкт-Петербург  
2011

ББК 63.2  
С 56

Ответственный редактор *И.М. Беляева*  
Составитель *М.В. Корогодина*

С 56 **Современные проблемы археографии:** Сб. ст. по материалам конф., проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. / Отв. ред. И.М. Беляева; сост. М.В. Корогодина. — СПб.: БАН. — 2011. — 376 с.

ISBN 978-5-336-00131-0

В предлагаемом сборнике представлены статьи по самым широким аспектам современной археографии, охватывающим время с XI по XX вв. Их авторами являются в основном российские ученые, а также специалисты из Болгарии, Литвы, Украины, Сербии и США.

ББК 63.2

ISBN 978-5-336-00131-0

© Библиотека Российской академии наук, 2011  
© Коллектив авторов, 2011

«РАЗВЕ Я НЕ НАРОД?...»  
ПИСЬМО В.И. СМЕРНОВА О Н.Н. ВИНОГРАДОВЕ

Биография Николая Николаевича Виноградова (1876–1938) может представлять интерес для специалистов по истории различных научных дисциплин — археографии, этнографии, фольклористики, истории языка и литературы, музейного дела, краеведения. Он был блестящим исследователем-универсалом. Тем не менее, его судьба совсем не укладывается в классическую схему академической биографии.

Между тем начало его жизни не предвещало ничего необычного. 10 октября (по другим данным — 10 ноября) 1876 г. в семье Николая Ивановича Виноградова, священника Троицкой церкви с. Чмутово Галичского у. Костромской губ. родился первенец, Николай<sup>1</sup>. Не прошло и двух лет, как семья переехала в Сельцо за Воржею, где о. Николая назначили настоятелем Никольского храма. Там он и служил до самой своей смерти в 1919 г.

Старший сын поступил сначала в Костромское духовное училище, в 1890–1897 гг. учился в Костромской духовной семинарии, но продолжить учебу пока не мог, хотя и сана не принял. Он стал учителем Семиловской церковно-приходской школы Костромского уезда. В деле, заведенном на него ОГПУ в 1925 г., с его слов записано: «я работал в различных литературных изданиях и пр. — с 1891–1899 гг. — “Костр[омской] листок” Андронниковой — сотрудником и в летние месяцы секретарем редакции»<sup>2</sup>.

Позже Н.Н. Виноградов не раз продемонстрирует редкую способность — едва взявшись за новое для себя дело, проникать в логику его развития, угадывать наиболее перспективное направление и основательно разрабатывать его в самый короткий срок, совмещая при этом интерес к самым разнообразным предметам. Так, в конце 1890 — начале 1900-х годов изучение теории и практики начальной школы уживаются с работами по истории пчеловодства, появляются первые публикации по диалектологии, он становится членом Костромской губернской ученой архивной комиссии, и в протоколах заседаний начинают регулярно появляться сообщения о предметах, переданных им в Романовский музей.

Ему явно становилось тесно на приходе. Интерес к коллекционированию и исследовательской работе быстро перерос рамки любительства, появились связи в Петербурге, и в 1903 г. молодой исследователь уже в столице. Он выполняет работы по комплектованию этнографических коллекций Музея им. Александра III, дирекция которого ходатайствует о разрешении ему поступать университет вопреки ограничениям, установленным законом для выпускников духовных семинарий.

С осени 1903 г. Н.Н. Виноградов увлек академика А.А. Шахматова идеей издания «Словаря Костромской губернии»<sup>3</sup>, еще до поступления в университет (в 1905 г.), начал готовить под его руководством работы по диалектологии

и публиковать их в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Уже студентом, не оставляя службы в музее, Н.Н. Виноградов, благодаря высокому покровительству, стал секретарем отделения этнографии Русского географического общества и редактором журнала «Живая старина», действительным членом многих научных обществ.

Круг его интересов и здесь удивляет широтой: публикации сатиры XVIII в. и текстов народной драмы «Царь Максимилиан»<sup>4</sup>, участие в составлении академических словарей, исследования о биографии А.Ф. Писемского и родословной М.Ю. Лермонтова, алфавитный указатель к «Живой старине» и множество мелких заметок и ядовитых рецензий.

Он участвует в подготовке Областного археологического съезда, прошедшего в Костроме в 1909 г., и одновременно готовит новый устав Архивных комиссий: «Вчера было заседание по выработке нового устава для Архивн[ых] Комм[иссий], — пишет он отцу, — где я заседал вместе с Товарищем Министра Вн[утренних] дел, двумя членами Государственного Совета, Директором Археологического Института и Директором Педагогического Института. Сколь сия картина удивительна! Я и пять генералов! Три деревни, два села, восемь девок, один я!!!»<sup>5</sup>.

На этом фоне досадной случайностью кажется происшествие на одном из заседаний в этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, когда на упрек в «рукотворности» некоторых частушек он ответил «Разве я не народ?»

Тем не менее, случайностью это не было. Казусы эти не выходили на страницы научных журналов, зато передавались «из уст в уста» в научных кругах. Большинство из этих скандальных историй канули в лету, но следы одной из них, послужившей причиной исключения из университета, сохранились в архиве А.А. Шахматова и архиве Музея этнографии в Петербурге<sup>6</sup>. В 1909 г. на выставке этнографических коллекций в университете в составе частного собрания Н.Н. Виноградова были опознаны предметы из фондов Музея им. Александра III, сотрудником которого он был. Если бы не покровительство Шахматова, которого удалось убедить, что вещи были взяты из фондов «на время», с последующим возвращением, что вся коллекция костромича будет передана музею, — научная карьера была бы закончена. Пока же, отучившись семь семестров, пришлось пожертвовать университетом. Оставалась журналистика, секретарство в РГО, продолжали появляться его статьи в научных изданиях.

Оставить Петербург, по словам Н.Н. Виноградова, пришлось в 1911 г., когда во время случайного обыска у него на квартире были обнаружены прокламации, которые он «собирал с целью доставления в Академию Наук Шахматову Алексею Александровичу к истории Рев. Движения (...) После допроса по означенному обыску Ж.У. предложило мне выехать из Ленинграда на родину, срока даже не было»<sup>7</sup>. Тем не менее, в число служителей канцелярии костромского губернатора он был определен 16.1X 1910 г.<sup>8</sup>, а это позволяет усомниться в реальности происшествия с листовками: скорее всего он уехал сразу, как только понял, что путь в университет для него закрыт.

Произошла ли история с прокламациями на самом деле, или была сочинена при поступлении на службу, — в любом из этих случаев кажется удивительным стремительное восхождение недавнего студента по служебной лестнице.

При поступлении в канцелярию на него возлагаются обязанности старшего помощника правителя канцелярии губернатора, сначала временно, а с февраля 1911 г. — постоянно, при том, что чин коллежского регистратора был ему пожалован лишь в сентябре 1912 г.

Объяснить это можно, лишь имея в виду, что «в Костроме тогда был “единственный в своем роде” либеральный губернатор — инженер Шиловский (...) который, получив вскоре чистую отставку, опубликовал нашумевшее тогда в газетах письмо в том смысле, что “порядочному человеку в России нельзя быть губернатором”»<sup>9</sup>.

В обязанности Н.Н. Виноградова входил выпуск (а чаще всего и сочинение) многочисленных популярных изданий, завершившийся монументальным описанием пребывания царской семьи на Костромской земле, а также многие работы по созданию Романовского музея Архивной комиссии. В этом качестве он собирает материалы по истории «коробовских белопащцев», потомков Ивана Сусанина, и публикует весьма сомнительное предание о народном герое.

Первая мировая война застала Н.Н. Виноградова в должности чиновника по особым поручениям при костромском губернаторе. Не ужившись с очередным своим начальником, в 1916 г. он уехал заканчивать образование в Москву, в университет, но диплом, кажется, так и не получил. В 1919 г. умер отец, — по преданию, по дороге с допроса в ЧК. По просьбе прихожан Н.Н. Виноградов принимает сан и занимает родительское место настоятеля Никольского храма в Сельце за Воржею<sup>10</sup>, зовет к себе А.А. Шахматова из голодного Петрограда: «Вероятно, у Вас в СПб жить оч[ень] плохо, приезжайте к нам в село. Будете читать лекции в Костромском Университете»<sup>11</sup>. Продолжает публиковать свои работы в академических изданиях — и одновременно, не оставляя прихода, служит в Губполитпросвете.

Помнящие его прихожане в один голос утверждают: очень верующий, хороший был человек. Тем не менее — в середине 1920-х годов он сложил с себя сан, как говорят, сдал крест на «Доброхим», ушел в редакцию газеты губкома РКПб — «Красный мир», стал сотрудничать с Истпартобделом. При обыске у него нашли материалы из собрания Истпарта, пытались обвинить по политической статье, но со всей очевидностью удалось доказать только многочисленные кражи из государственных музейных и архивных собраний.

В этой связи к экспертизе изъятых у него вещей и были привлечены два члена Костромского научного общества по изучению местного края: его председатель Василий Иванович Смирнов (1882–1941) и член правления, архивист Евгений Федорович Дюбюк (1876–1942). Впечатление от увиденного и стало причиной написания письма.

Адресат письма — Алексей Александрович Апушкин (1877–1938). Ученый-лесовод, в 1914–1918 гг. он возглавлял Костромское научное общество по изучению местного края. В 1918 г. его перевели по службе в Москву, но, судя по переписке с В.И. Смирновым, сохранившейся в ОПИ ГИМ, он некоторое время поддерживал отношения с Костромой, интересовался делами Общества, собирал материал для биобиблиографического словаря костромичей.

А.А. Апушкин хорошо знал Н.Н. Виноградова, и в ответ В.И. Смирнову написал 21 ноября 1926 г.: «...надо сказать, что, несмотря на ярко обрисованный Вами его образ, все же я бы сказал, что личность его остается

загадочной. Я думаю, ни психолог, ни психиатр не разгадают его поступков и побуждений. С одной стороны он талантливый человек и с другой порядочный. Поскольку я считаю его преступным и беспринципным, постольку я и близко не хочу подходить, и тем более пользоваться его литературными материалами».

Протокол Особого совещания при коллегии ОГПУ от 9.1У. 1926 г. содержал постановление: «заключить в концлагерь, сроком на ТРИ года»<sup>12</sup>. Н.Н. Виноградов был отправлен на Соловки. Участвовал в работе Соловецкого общества краеведения, а после досрочного освобождения стал его ученым секретарем. Спас многих представителей интеллигенции, предоставив им работу в СОК. Это спасало от непосильной работы на дальних командировках, позволяло сохранить себя как личности. А помогал ему в этом молодой заключенный Д.С. Лихачев, посвятивший Н.Н. Виноградову в своих воспоминаниях несколько строк.

Предвидя окончательную ликвидацию краеведческого общества, Н.Н. Виноградов уехал в Петрозаводск, стал одним из основателей Карельской Академии наук. В 1937 г. последовал новый арест, а 8 января 1938 г. эта бурная жизнь оборвалась.

Репутация — слово, практически вышедшее из обихода. Между тем репутация исследователя существенно влияет не только на восприятие его трудов, но и на доверие к публикациям источников, им подготовленным. Строить исследование на сомнительных источниках — все равно, что, используя евангельское сравнение, строить дом на песке.

Письмо В.И. Смирнова А.А. Апушкину. Кострома, 1926, 8 ноября.

Государственный архив Костромской области. Ф. р-550. Оп. 1. Д.1 10. Л.л. 1–5 об.

Черновик. Машинопись с правкой (автограф). Текст приведен в соответствие с современными правилами правописания.

Дорогой Алексей Александрович.

Позволю себе занять Ваше внимание историей одного нашего современника, может быть, более подробной, нежели следовало бы.

На днях мне пришлось участвовать в довольно-таки грязном дельце — в качестве консультанта присутствовать при отобрании книг и рукописей по распоряжению ГПУ из собрания Н.Н. Виноградова<sup>13</sup>. Для меня несколько отчётливее выяснилась эта любопытная фигура, но не настолько рельефно, чтобы не осталось более никаких вопросов.

Видите ли — каждый человек, думается мне, представляет из себя порядочное месиво добродетелей и пороков, а потому огульные характеристики вроде — этот подлец, а тот хорошим человек, — редко бывают справедливы. Фигура Н.Н. так же крыта не одними черными тонами. История с Ламанским<sup>14</sup>, с божком из собрания архивной комиссии, с Яновичем<sup>15</sup>, с собраниями архива кн. Тенишева<sup>16</sup> и т. д., его собственное признание, что он не чист на руку — «я не могу не украсть», говорил он, указывая при этом на Барсова<sup>17</sup> и Шляпкина<sup>18</sup>, не очень-то чисто плотно составивших свои собрания книг и рукописей.

Всё это хорошо известно. Но как-то мало обращается внимание на то, что в основе этой kleptomании лежит отчасти благородная страсть коллекционирования.

Совершенно недопустима мысль, чтобы он собирал эти и другие материалы для продажи, скажем, или наживы. Для меня ясно, что он скорее бы расстался с последними штанами, нежели с дублетом какой-нибудь благоприобретенной им книги.

Его беспринципность в общественном смысле так же очевидна. Учёный, оставленный при кафедре Университета, секретарь почтенного журнала «Живая старина», член Рус[ского] Географич[еского] Об[ществ]а, сильно потом подмочивший свою репутацию, так как не мог не положить охулки на руку, чиновник особых поручений при губернаторе, сотрудник редакции «Русское Слово», священник, едва не расстрелянный красными во время Саметского восстания<sup>19</sup>, позднее снявший рясу и пожертвовавший крест свой на «Доброхим»<sup>20</sup>, сотрудник редакции органа РКП — «Северная правда» и «Истпарта»<sup>21</sup>, ссыльный на 5 лет на Соловецкие острова<sup>22</sup>. Он далеко ещё не закончил свою бурную карьеру. Недавно в Ленинграде мне попался в руки журнал «Соловецкие острова» №7, в котором я прочёл статью «Железные изделия Соловецкого монастыря» Н. Виноградова. Жив курилка! Он занимается здесь в музее, занимается по призванию любимым своим делом — краеведением, которому посвятил в своё время очень много сил. Для меня совершенно ясно, что музей, архив и б[ibliote]ку краеведческую он сумеет здесь обокрасть в лучшем виде, как это сделал с архивом и б[ibliote]кой б[ывшей] Архивной комиссии в Костроме. Между прочим, начальник острова Заведующий ГПУ расположен к краеведению и покровительствует краеведам<sup>23</sup>. Всякие бывают краеведы! А так как Н.Н. ведет там антирелигиозную пропаганду, и полагаю — не без успеха, как бывший семинарист и священник — он пользуется особыми привилегиями. Одним словом, он не тонет при любых обстоятельствах жизни.

Несколько слов о его литературных работах. Он умеет хорошо, толково писать. Эрудиция богатая, метод работы правильный. Его области интересов широки: история, этнография, библиография, история древней и новой рус[ской] литературы, народная словесность и т. п.

Его перо не чуждо беллетристики: будучи семинаристом он помещал свои стихи в «К[остромских] Епарх[иальных] Ведомостях», позднее, помнится, в «Поволжском Вестнике» печатались во время рус[ско]-герм[анской] войны его патриотические частушки за подписью Н. Селецкий; в «Сев[ерной] Правде» ещё позднее — агитационные и комсомольские частушки. Отдельным изданием вышли его агит-пьесы, к одной из которых он приложил собственный авторский портрет («Курица птица и баба человек»<sup>24</sup>). Владея пером, которое могло бы иметь лучшее применение, он брался за такие вещи, как описание празднования 300-летия Дома Романовых в Костроме, большое дорогое с массой иллюстраций издание. И если он не описал такого же торжественного въезда Ленина в Кострому, так только потому, что последнему не пришлось этого сделать.

Его историко-литературные работы весьма высоко ценил акад[емик] Шахматов<sup>25</sup>, устраивавший статьи Н.Н. в «Известиях 2-го Отд[еления] Академии Наук», и это после того, как Н.Н. потерпел на научном поприще кораблекрушение: был исключен из действ[ительных] членов Р[усского] Геогр[афического] Об[ществ]а, отставлен от Унив[ерсите]та, когда, казалось, его учёная карьера раз навсегда закончилась. Но и тут в одной из самых крупных своих работ

«Царь Максимилиан»<sup>26</sup> он напечатал вариант драмы (костромской, самый похабный), в подлинности которого некоторые исследователи сильно сомневаются. Конечно, доказать подлинность текста трудно, так как подлинник этого текста «представляет собственность автора и хранится в его собрании». Но это не единственный подозрительный случай в отношении добросовестности его работ. Б.М. Соколов<sup>27</sup> как-то мне рассказывал однажды: после доклада Н.Н. в этнографической комиссии О[бщества] Л[юбителей] Е[стествознания] А[нтропологии и] Э[тнографии] о частушках, его поприжали, указывая, что некоторое из частушек его доклада не народные, а сочинены им; он и не отрицал этого, а возразил будто бы такими словами: «Разве я не народ?» Сомнительна весьма подлинность песни о спасении царя М.Ф. Романова Сусаниным, несколько раз перепечатанная им в разных изданиях, равно как и подлинность «сказания» о том же, записанная будто бы им где-то в Буйском у<sup>28</sup>. Возникает подозрение на счет некоторых текстов заговоров, напечатанных им<sup>29</sup>, из которых одни, б[ыть] м[ожет], тронуты его редакторской рукой, другие составлены им, потому что он — народ. По крайней мере, в отношении нескольких записанных им текстов заговоров эти сомнения особенно настойчиво возникают, так как он не может указать точно, где и от кого они записаны — «ветер случайно разнес листочки записной моей книжки», — примерно такими словами оправдывает он отсутствие точного указания. Между тем, Н.Н. знает хорошо, насколько подобного рода штуки понижают ценность работ. В свое время он шибко разделал Ончукова<sup>30</sup> за изданные им с редакторскими поправками сказки в Жур[нале] Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения] в какой-то рецензии, точно не помню сейчас, он не преминул уколоть В.А. Андроникова<sup>31</sup> подобным же сомнением по адресу песен, изданных последним.

При всем этом у него есть отличные работы, напр[имер], «Галевонские алеманы»<sup>32</sup>, «Послеконечное “ы”»<sup>33</sup>, «шунгенские говоры»<sup>34</sup>, «почему чухломичи акают»<sup>35</sup>, и ряд очерков о Потехине, Писемском<sup>36</sup> и т. д. — все это работы, касающиеся Костромского края. Я не знаком с его большой работой о «Париже и Вене»<sup>37</sup>, напечатанной также в «Изв[естиях] 2-го Отд[еления] Ак[адемии] Наук».

Трудно понять, как все это укладывается в одном человеке. Может быть, причиной нечистоплотности, помимо общих недомоганий его в этом отношении, является и то обстоятельство, что он необыкновенно славолюбив. У него потребность везде быть первым, везде играть роль, отличиться. И.А. Рязановский<sup>38</sup>, близко его знающий, говорил как-то, что «достаточно Николе Виноградову узнать, что Вы интересуетесь таким-то вопросом или коллекционируете в таком-то направлении, как он, не медля, устремляется сюда же, стараясь во что бы то ни стало приобрести побольше материалов и затмить Вас окончательно». Он не терпит около себя славы и искренно ненавидит Е.Ф. Дюбука<sup>39</sup>, хотя не за одно это, а также, вероятно, и за то, что тот не допускал его к архиву.

Можно было бы еще отметить несколько слабостей Н.Н., если бы всё это не казалось желанием вылить на него побольше помой, выставить себя не в пример ему в лучшем свете — смотрите, мол, вот они какие бывают грешники и мытари. Но я не могу удержаться, чтобы не живописать этот образ полностью. Мне известны его нетоварищеские поступки. И еще: в эротомании он не имеет соперников. Сальный анекдот, скабрзная частушка не покидают его, но это же отражается и в его печатных статьях, в которых остроумие его



в этом направлении не редко можно встретить. Будучи чиновником особых поручений, он издавал для внутреннего употребления канцелярии совершенно непристойный журнал. Я видел собранный им объемистый словарь народных похабных слов, добросовестно обработанных в смысле требований, предъявляемых к изданиям народных словарей.

Казалось бы, что Н.Н. совершенно морально потерянный человек. Однако вот что я услышал последний раз в сельце Никольском. В голодное время Н.Н. много раздавал хлеба, «ссудный был человек», — говорила про него прислуга. «Жил в книгу, а сам в сапожонках без подметок бегал». С большим чувством сожаления и подъёмом бабы рассказывали о пережитых им несчастьях. Во время Саметского восстания Н.Н. приставили к стенке церковной ограды, даже стреляли, но оказалось — холостыми зарядами. Четыре или 5 дней его продержали вместе с другими заложниками в темной кладовой, где он всех исповедовал, готовясь к смерти<sup>40</sup>. В это время старая прислуга его отца, жившая в доме, обворовала его; жена уехала с каким-то солдатом и жила с ним неделю в Оганине. Тащила всё из дома, «гуляла». Так по крайнее мере рассказывают. Вообще с женой (внукой фабриканта Сосипатра Сидорова<sup>41</sup>) жил он плохо, «был неприветлив», «по другим шатался». Она ушла от него. Для него, тогда священника, это должно было явиться большим несчастьем. Семейный позор — брат Борис — шалопай, вор, по профессии хлебопёк: «ночь пеку, день кучу». Ходит рваным. Зато, когда продал свою долю в отцовском доме брату, приехал в село «нарядный, в желтых сапогах» и все-таки не преминул обокрасть брата, утащивши у него отцовскую рясу, чемодан, юбку жены и т. д. В деревне, где Н. Н-чу «был почет», все это было известно, конфузило батюшку.

Так вот: когда происходила процедура отбора книг и рукописей, во мне боролись самые разнообразные чувства. Мне казалось, как будто я обирую человека. Мне представлялась вся боль нового удара для него, собирателя этих сокровищ, и я по временам не мог взглянуть в глаза этим женщинам, которые сокрушенно вздыхали, считая всех нас, в том числе и меня, виновниками этой истории и даже ссылки, для которых, может быть, добро Н.Н. было не просто хозяйское добро, но и их имущество. У меня уже не поднялась рука на горшочек керченской керамики, можно думать, из костромской музейной коллекции, на глиняные игрушки, на старый фарфор, хотя все остальные музейные его собрания прошлым летом при таких же обстоятельствах переданы в наш музей. Прислуга Н.Н. так и сказала: «сослали его из-за Музея». И я думаю, что такую версию причины ссылки, как наиболее простую, мог пустить в оборот сам Н.Н. Обстоятельства первого отбора были таковы. Вызывают меня в ГПУ как-то. Думаю — очередной допрос! «Мы хотим, — говорят, — показать вам музей...» Открывают комнату — на полу лежат бисера, старинные одежды, рукописи, книги и т. д.<sup>42</sup> Я сразу узнал это собрание, и первая рукопись, которую я взял в руки, была «Краткое историческое описание г. Костромы» Сумарокова из Богоявленского монастыря, рукопись, о которой я знал, что она у него, что он решительно отвергал<sup>43</sup>. Далее под руку попались книги Архивной Комиссии. Мне предложили тогда быть консультантом на предмет определения, из какого архива или библиотеки — архивные материалы и книги его собрания в с[еле] Сельце — Никольском. Вместе с Е.Ф. Дюбюком мы были там и претерпели уж раз эту муку<sup>44</sup>. Причем тогда оказалось до 800 книг и много архивных материа-

лов и рукописей, частью, несомненно, выкраденных, частью в этом отношении возбуждавших наши сомнения. По сообщению агента ГПУ, сопровождавшего нас в этой экспедиции, Н.Н. будто признался на 75% в том, что из представленного материала, действительно, таковая часть была им «благоприобретена».

Меня неотступно теперь мучает мысль, — не происходило ли при допросе дело так, что, когда он запырлся, ему просто и определенно говорили: «а музей (или имярек) говорит вот так». У Н.Н., конечно, могло создаться очень преудбежденное на счет меня мнение.

И теперь для меня неясно, — рассматриваем ли мы это собрание как переданное нам, или смотрим, как на временно переданное. Когда во время Саметского восстания в 1919 (или 1920 году) к нам в Музей привезли целый грузовой автомобиль его книг из Сельца, мы возвратили их ему за исключением книг из библиотеки быв[шей] Архивной Комиссии и бумаг из различных архивохранилищ. В настоящее время он не лишен права владения, и через 5 лет будет домогаться получить все, по крайней мере, несомненно ему принадлежащее. И, если будет приказ из таких же высоких сфер, которые предложили нам в данном случае принять эти материалы (подобного рода истории в практике музея были), мы, разумеется, отдадим, за известным исключением. А в настоящее время как быть с его личными рукописями, можно ли пользоваться ими без согласия автора?..

Все это протяженно-сложенное письмо, с множеством фактов, которые почти все Вам известны, ведет к последнему неразрешенному мною вопросу, как быть с его материалами по био-библиографическому словарю. Можно было бы решить вопрос так — черт с ними, с его материалами, можно обойтись и без них, зато не придется ковыряться в грязи, но дело такого рода: эти материалы представляют из себя не только рукописные заметки, и даже в оч[ень] незначительной степени, по крайней мере, — насколько я успел убедиться в этом, мельком взглянув на часть материалов, и вырезки из газет, но главным образом — выданные из книг листы и портреты. Кто бы ни был на моем месте, самый мягкотелый человек задумается — возвращать ли ему эти материалы, как и материалы по ист[ории] г. Костромы, представляющие из себя папку исключительно выданных из книг листов (м[ежду] пр[очим], я узнал листы из одной книги б[иблиоте]ки б[ывшей] 1-й гимназии). Вообще его отношение к книге, несмотря на то, что он библиоман, у которого можно встретить по 15, по 40 экз[емпляров] одной книги, возмутительное: небрежно скомканные, брошенные, драные. Мне кажется, что в то же время он не любил книгу. Обыски, отборы (и все же там осталось еще пудов на 70 кн[иг]), небрежность прислуги, перетаскивавшей книги туда и сюда, создали кашу, но и в мирное время это все было в небрежном состоянии.

И это еще вопрос — что для Вас копировать. Многое у вас есть, Вам не нужно. Я полагаю, — это Вы могли бы решить, только посмотревши материалы, что легко сделать, выехавши в субботу вечером и в воскресенье вечером уехав отсюда, — то теряете воскресный день. Приезжайте-ка, потолкуем.

О выезде предупредите, п[отому] ч[то] буду уезжать тут на разные съезды в Ярославль, Вятку и т. д.

Будьте здоровы

Вас. Смирнов

8/XI 26.

<sup>1</sup> Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 130. Оп. 10. Д. 1088; Ф. 432. Оп. 1. Д. 3701. Л. 3 об.—4; Костромской объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее — КИАХМЗ). КОК 4346.

<sup>2</sup> Государственный архив Новейшей истории Костромской области (далее — ГАНИКО). Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413. С. Л. 4—5.

<sup>3</sup> Архив СПб филиала РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 279. Л. 1.

<sup>4</sup> История о Париже и Вене. Переводная повесть в стихах Петровского времени / Подгот. к изд. Н.Н. Виноградов. СПб.: тип. ИАН, 1913; *Виноградов Н.Н.* Народная драма Царь Максимилиан. — СПб.: тип. ИАН, 1914.

<sup>5</sup> КИАХМЗ. КОК 42005.

<sup>6</sup> Архив Гос. музея этнографии (далее — ГМЭ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 70.

<sup>7</sup> ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2415-С. Л. 5 об.

<sup>8</sup> ГАКО. Ф. 130. Оп. 10. Д. 1088.

<sup>9</sup> Воля народа (Кострома). 1917. 18 окт., № 92.

<sup>10</sup> КИАХМЗ, н/в 13376.

<sup>11</sup> Архив СПб филиала РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 279. Л. 37.

<sup>12</sup> ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2415-С. Л. 60.

<sup>13</sup> ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413-С. Т. 2.

<sup>14</sup> **Ламанский Владимир Иванович** (1833—1914) славяновед, академик, сотрудник этнографического отделения Русского географического общества, основатель и редактор журнала «Живая старина».

<sup>15</sup> **Янович Даниил Тимофеевич** (1879—1940) ученый-этнограф, ученик Д. Анучина, профессор. Ученый секретарь Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК РСФСР. Этнографические коллекции, собранные Яновичем, хранятся в фондах Музея этнографии, Кунсткамеры (Санкт-Петербург). Сотрудник этнографического отдела Русского музея императора Александра III. В апреле 1909 г. опознал в коллекции Н.Н. Виноградова, представленной на выставке кружка этнографов в залах императорской Академии наук, собранные им для музея предметы. История стала причиной исключения Н.Н. Виноградова из университета. См.: Архив ГМЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 70. Л. 6.

<sup>16</sup> **Тенишев Вячеслав Николаевич** (1843—1903) князь, этнограф. В 1898 г. создал Этнографическое бюро в Санкт-Петербурге, в архиве которого были собраны уникальные материалы.

<sup>17</sup> **Барсов Елпидифор Васильевич** (1836—1917) — историк, секретарь Общества истории и древностей российских, собиратель и исследователь фольклора и памятников древней письменности.

<sup>18</sup> **Шляпкин Илья Александрович** (1858—1918) — историк литературы, археограф, чл.-корр. Академии наук, собиратель документов по истории России и русской литературы.

<sup>19</sup> Восстание «зеленых» — крестьян, уклонявшихся от призыва в Красную армию, в селе Саметь Костромского уезда произошло летом 1919 г. и было жестоко подавлено. В связи с эти Н.Н. Виноградов был арестован и допрошен 11 июля 1919 г. — ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413-С. Т. 1. Л. 2—2 об. О саметском восстании см.: М.А. Лапшина. Гражданская война в Костромской губернии (1918—1919 гг.) // Костромская земля. Вып. 4. Кострома, 1999. С. 207—209.

<sup>20</sup> Доброхим, в 1924—1925 гг. — Авиахим, с 1927 — Осоавиахим, предшественник Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ).

<sup>21</sup> Истпарт — Истпартодел ЦК РКП б, комиссия по истории партии (1920—1928). В Костроме имелось ее отделение.

<sup>22</sup> Соловецкие острова — Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН) был организован в 1923, в 1931 г. на его базе был создан Беломоро-Балтийский исправительный трудовой лагерь. В 1933 г. СЛОН был окончательно расформирован и передан в ведение Беломоро-Балтийского ИТЛ. В 1936—39 гг. название лагеря обозначалось аббревиатурой СТОН.

<sup>23</sup> С момента организации и, с перерывами, до мая 1930 г. начальником лагеря был А.П. Ногтев, способствовавший созданию Соловецкого общества краеведения (СОК). Выходили Труды Соловецкого общества краеведения. Подробнее см.: Десталинизация сознания. Соловки, 1989. Среди высоких покровителей Н.Н. Виноградова Д.С. Лихачев называет председателя СОК Эйхманса.

<sup>24</sup> *Виноградов Н.Н.* И курица — птица, и баба — человек: Комедия-агитка в 2-х д. для деревенского театра. Кострома, 1925. 32 с.

<sup>25</sup> **Шахматов Алексей Александрович** (1864—1920) — академик, историк, языковед.

<sup>26</sup> *Виноградов Н.Н.* Материалы по Истории, Археологии, Этнографии и Статистике Костромской губернии. Вып. IV: Народная драма Царь Максимилиан: Три варианта, записанных в Костромской губернии. Кострома, 1914; *Он же.* Царь Максимилиан и его непокорный сын Одольф: Старый текст и несколько слов по поводу текста // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (далее — ОРЯС РАН). 1905. Т. X. Кн. 2. С. 301–338; *Он же.* Народная драма царь Максимилиан: тексты, собран. и приг. автором // Сборник ОРЯС РАН. 1917. Т. XС. № 7. С. II, 1–188.

<sup>27</sup> **Соколов Борис Матвеевич** (1889–1930) — фольклорист, этнограф, историк литературы, профессор Московского университета.

<sup>28</sup> *Виноградов Н.Н.* Сказание о спасении от поляков Михаила Феодоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина // Костромская старина / КГУАК. Вып. 7. Кострома, 1911. С. 117–124; *Она же.* Народные сказания о Михаиле Феодоровиче Романове. Отчего захудал город Буй // Костромская Старина и Новизна: Бесплатное приложение к газете «Поволжский Вестник». № 2. 1914, Май. С. 7–8; № 3. С. 7–10.

<sup>29</sup> *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.: По старинным рукописям и современным записям. Посвящается четвертому Областному Археологическому съезду в г. Костроме. — СПб., 1909 (Отд. отт. из журнала: Живая Старина. 1908. Вып. 1–4).

<sup>30</sup> **Ончуков Николай Евгеньевич** (1872–1941) — исследователь и собиратель фольклора на Урале, в Сибири, в Архангельской обл., и Олонечкой губернии.

<sup>31</sup> Вероятно, имеются в виду: *Андроников В.А.* Народные песни, сказания и легенды Махловской волости, Юрьевецкого уезда, Костромской губернии // Костромская старина / КГУАК. — Вып. 7. — Кострома, 1911. С. 35260 и др. публикации Владимира Алексеевича Андронникова (1874–1961), краеведа, этнографа и фольклориста.

<sup>32</sup> *Виноградов Н.Н.* Галивонские Алеманы: условный язык Галичан (Костромской губернии) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук (далее — ОРЯС ИАН). 1915. Т. XX. Кн. 1. С. 209–260.

<sup>33</sup> *Виноградов Н.Н.* Послеконечное «ы» в народном говоре Шунгенской вол., Костромского уезда. Пг., 1917. (Отд. отт. из: Известия ОРЯС РАН. 1917. Т. XXII. Кн. 2).

<sup>34</sup> *Виноградов Н.Н.* О народном говоре Шунгенской волости. Ч. 1: Фонетика. СПб., 1904 (Отд. отт. из: Сборник ОРЯС ИАН. Т. LXXVII. № 8).

<sup>35</sup> *Виноградов Н.Н.* Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. Пг., 1918 (Отд. отт. из: Известия ОРЯС РАН. 1917. Т. XXII. Кн. 2).

<sup>36</sup> *Виноградов Н.Н.* Мелочи для библиографии А.Ф. Писемского и А.А. Потехина // Известия ОРЯС ИАН 1908. Т. XIII. Кн. 3. С. 322–327; *Его же.* Алексей Феофилактович Писемский: Материалы для его биографии и выяснения процесса творчества // Известия ОРЯС ИАН. 1916. Т. XXI. Кн. 2. С. 123–151.

<sup>37</sup> *Виноградов Н.Н.* История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени // Сборник ОРЯС РАН. Т. 90. 1917. С. I–VII, 1–329.

<sup>38</sup> Рязановский Иван Александрович (1869–1927) искусствовед, архивист, один из создателей Романовского музея Костромской ученой архивной комиссии.

<sup>39</sup> Дюбюк Евгений Федорович (1876–1942) — статистик, архивист, поэт, экономист, краевед.

<sup>40</sup> ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 1. Л. 2–2 об.

<sup>41</sup> Сидоров Сосипатр Дмитриевич — владелец текстильной фабрики в с. Яковлевском Нерехтского у. Костромской губернии.

<sup>42</sup> См. список предметов, изъятых при обыске: ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 2. Л. 12–14.

<sup>43</sup> ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 2. Л. 34: «В ГПУ. Правление Костромского Научного Об[щест]ва просит временно предоставить рукопись бывш[его] Богоявленского монастыря, находящуюся в настоящее время в ГПУ «История г. Костромы» для снятия копии. Председатель Вас. Смирнов. Секретарь Е. Слободская». Л. 34 об. — расписка Ф.А. Рязановского о том, что он принял рукопись. Копия, сделанная В.И. Смирновым, хранится в архиве Государственного музея этнографии (Ф. 2. Оп. 2. Д. 78).

<sup>44</sup> ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 2. Л. 17–20 об.